

Верность призванию

Мы знакомы очень давно. И хорошо помню, какой интерес вызывало у читателей молодежной газеты это, тогда новое для них имя—Борис Бурьян. Очень уж приметные, задиристые публикации были так подписаны.

С той поры минуло без малого сорок лет. Какие богатые воспоминания о белорусском театре мог бы написать Борис Иванович, если бы появилось у него такое намерение!.. Спектакли, оставшиеся вехами в истории нашего искусства, события, значение которых осмысливаешь только на расстоянии, художники, которые чем дальше, тем глубже входят в легенды,— сколько всего этого в его давнишних блокнотных записях, в памяти сердца...

Из того, что Борис Иванович пишет теперь, о чем рассказывает по радио и в документальном кино, что припоминает просто при встрече, когда потянет на воспоминания, лично мне особенно по сердцу создаваемые им портреты мастеров, стоявших у истоков белорусского театрального искусства. Портреты, полнокровные не только потому, что Борису Ивановичу посчастливилось видеть выдающихся артистов на сцене и много беседовать с ними вне театра (конечно же, о театре!), но и потому, безусловно, что был у них внимательный, любознательный, умный собеседник.

Природная артистичность привела его еще несовершеннолетним в театральную студию, на сцену. Нерастроченная во фронтовых испытаниях, она сделала его в послевоенном Минске театральным журналистом (вернуться на самую сцену не позволили ранения).

Объект юношеской влюбленности — театр — очень тесно связан, переплетается с литературой. Как было удержаться, не ступить и в ее привлекающий простор! Театральный рецензент начинает писать о поэзии, о прозе, опять-таки по-своему, горячо, дерзко... Раздумывая над чудом превращения обычных слов в музыку хорошей прозы, или, наоборот, о причинах, почему такого чуда в книге не произошло, — постепенно отваживается выйти за границы критики и сам.

Книги прозы, написанные

Бурьяном, дышат прежде всего той же артистичностью. И дело не в том, что повесть «Первый снег» — об актерах периферийного театра, повесть «У синей бухты» — о горячо любимом автором Максиме Богдановиче, а герой «Твоей повести» — скульптор. Дело в самом стиле, манере повествования.

Потом появились пьесы, написанные для театра юного зрителя и для театра имени Якуба Коласа. Множится количество документальных фильмов, в создании которых он участвует как сценарист, — в основном это эпизоды из прошлого белорусской культуры.

И все-таки главное в созданном Бурьяном за сорок без малого лет в литературе и журналистике — отраженная им живая театральная жизнь. Сотни рецензий, статей, заметок о ролях, составляющих подробную и вдумчивую летопись того, что в белорусском театральном искусстве радовало и волновало целое поколение зрителей.

К чести Бурьяна как критика, превыше всего для него всегда была истинная художественная ценность рассматриваемого явления. Художественная в том правильном понимании, когда идея и образительные средства произведения не разделяются.

Очевидно, не под всем, что когда-то напечатано, Борис Иванович подписался бы и сегодня. С высоты прожитого и пережитого виднее действительная цена тому, что хвалил некогда или журил.

Сегодня Бурьян один из самых авторитетных работников нашей театральной критики. Он знает и любит театр — театр платит ему тем же.

Как-то мне довелось в областном драматическом коллективе слышать, как опытная, вниманием рецензентов не обойденная актриса говорила, что из критиков-минчан она по-хорошему побаивается Бурьяна — очень уж пронизательно видит он сцену и непохоже на других пишет.

С удовольствием рассказываю об этом Борису Ивановичу накануне его шестидесятилетия. Наверняка в эти дни ему придется выслушать немало подобных рассказов и слов признания.

В. МЕХОВ.

г. Минск

Л. 5 ЯНВ 1984